

Р. Жинзифов – болгарский сотрудник славянофильской газеты «День»

Abstract:

Frolova M.M. *Rajko Zhizinfov – a Bulgarian correspondent of the Slavophil newspaper «Den» («The Day»).*

The article studies publications of the Bulgarian Rayko Zhizinfov in the Moscow newspaper «Den» («The Day»), which were devoted to contemporary events on the Turkish territories inhabited by Bulgarians. These events are considered in the context of the activities of the editor of the newspaper «Den» and the head of Moscow Slavophiles Ivan Aksakov.

Ключевые слова: газета «День», И.С. Аксаков, Р. Жинзифов, Д. и К. Миладиновы, М.Ф. Раевский, Македония, церковный греко-болгарский вопрос, русская пресса XIX в.

Райко (Ксенофонт) Иванов Жинзифов (1839–1877) – известный в Болгарии и Македонии поэт, переводчик, писатель, публицист, творивший в период национального болгарского возрождения. Его жизненный путь достаточно хорошо изучен благодаря исследованиям болгарских и российских ученых – С.С. Бобчева, П. Орешкова, И. Конева, Д. Лекова, А.А. Улуняна, М.Г. Смольяниновой и др.

Райко Жинзифов родился в г. Велес (Македония), в семье учителя. Он получил образование в греческом училище, где преподавание велось на греческом языке¹. И имя его было вполне греческое – Ксенофонт. Молодой человек желал учиться дальше, но домашние обстоятельства не позволили ему поступить в Афинский университет, где обучалось большинство его сверстников из Македонии. В 16 лет Жинзифов начал работать младшим учителем в училище в Прилепе, где место старшего учителя занимал Димитр Миладинов*, «горячий защитник славянства»², как позднее о нем писал Жинзифов. Он «отвратил» своего младшего коллегу от эллинофильства, раскрыл красоту болгарских песен, к собиранию которых подключился и Жинзифов. Именно Миладинов стал звать его болгарским именем Райко. В конце 1857 г. Миладинов отправил Жинзифова преподавать в македонский городок Кукуш, где благодаря энтузиазму молодого учителя болгарскому

* Димитр (около 1810–1862) и Константин (около 1830–1862) Миладиновы – братья, деятели болгарского национального возрождения, фольклористы и просветители в Македонии.

языку стали учиться «не только мальчики, но и взрослые, юноши, люди женатые и даже священники, ибо в церквах надлежало заменить греческое богослужение славянским»³.

В июле 1858 г. в числе восьми болгаро-македонцев, которых направил на учебу в Россию Д. Миладинов при содействии русского общественного деятеля А.В. Рачинского (впоследствии, в 1861–1862 гг., русский консул в Варне), Жинзифов приехал в Одессу. Он привез письма Д. Миладинова известному деятелю болгарского национально-освободительного движения Г.С. Раковскому, который произвел на молодого человека столь огромное впечатление, что Ксенофонт Жинзифов только теперь решил сменить свое греческое имя на болгарское и выбрал себе имя Райко, – именно так к нему обращался в свое время Д. Миладинов⁴. Однако следует сказать, что официальные бумаги, публикации в русских газетах, свои письма к русским адресатам он неизменно подписывал не Райко, а Ксенофонт. Для болгар же он был Райко.

Младший брат Д. Миладинова, Константин, учившийся на историко-филологическом факультете Московского университета, вызвал Жинзифова в Москву. В конце 1858 г. он был зачислен воспитанником Славянского благотворительного комитета, а в 1860 г., сдав экзамены, стал студентом Московского университета. После окончания историко-филологического факультета со степенью кандидата в 1864 г., из-за опасения преследований и гонений со стороны турок, Жинзифов не решился вернуться на родину. Только в 1866 г. он совершил двухмесячное путешествие по Болгарии и Македонии, а возвратившись в Москву, принял российское подданство. В Москве Жинзифов работал сначала внештатным преподавателем греческого языка в Лазаревском институте восточных языков, в Чертковской библиотеке (первой бесплатной частной общедоступной библиотеке в Москве) – помощником П.И. Бартенева, затем учителем греческого языка в 1-й и 2-й московских гимназиях, в Лицее цесаревича Николая. В 1875 г. он получил чин коллежского асессора (VIII класс)⁵, который соответствовал чину майора и давал право на личное дворянство. Накануне русско-турецкой войны 1877–1878 гг. по просьбе И.С. Аксакова Жинзифов начал составлять «Путеводитель по Македонии». Но работа не была завершена: Райко (Ксенофонт) Иванов Жинзифов умер в свой день рождения 15 февраля 1877 г. в возрасте 38 лет.

Первые литературные опыты Жинзифова появились на страницах журнала «Братский труд», который издавала Московская болгарская дружина, объединившая болгарских студентов и имевшая цель знакомить русских с жизнью турецких славян, содействовать развитию болгарской литературы, призывать болгарскую молодежь в Россию для совершенствования в науке⁶. Перу Жинзифова принадлежали переводы на болгарский язык «Слова о

полку Игореве», «Краледворской рукописи», стихотворений Тараса Шевченко, М.Ю. Лермонтова и других русских поэтов, а также несколько оригинальных произведений, например, поэма «Кровавая рубашка». Свои поэтические произведения на болгарском языке Жинзифов посылал в болгарские периодические издания: «Дунавска зора», «Българска пчела», «Народност», «Македония» и др.

Жинзифов много печатался в русской прессе: вел раздел «Славянское обозрение» в газете «День», «Славянская хроника» в газете «Современная летопись», его статьи также публиковались в газетах «Москва», «Москвич», «Московские ведомости», в журналах «Православное обозрение», «Русский архив». Свои статьи Жинзифов часто оставлял без подписи или скрывался под псевдонимами⁷. Многие болгарские и российские ученые занимались выявлением в русской периодике его публицистических работ; среди них – В. Руменов и Е. Спростанов, П. Орешков, С.А. Никитин, Н.Н. Пономарева, А.А. Ровняков, Д. Леков, Ц. Унжиева и другие. Благодаря их усилиям научный мир имеет в своем распоряжении два тома публицистики Жинзифова. И, тем не менее, его публицистическое наследие остается не до конца изученным, в частности, его работы на страницах газеты «День», которые освещали события, имевшие место в болгарских землях Османской империи. Их рассмотрение – цель нашей статьи.

Еженедельная газета «День» с небольшими приостановками выходила в Москве с 15 октября 1861 г. по 1865 г. включительно, являясь преемницей славянофильских изданий конца 1850-х годов: «Русской беседы», «Молвы» и «Паруса». В газете имелись отделы: Литературный, Областной, Славянский, Критический и Смесь. Главному редактору И.С. Аксакову не позволили открыть Политический отдел, но он был уверен, что «славянский вопрос есть вопрос на очереди политический. В будущем скором, вероятно, будет война. Нужно тут горячее отношение к делу, сочувствие живое»⁸, – делился он своими мыслями еще в 1858 г. с добрым знакомым Б.И. Ордынским (1823–1861), писателем и переводчиком с греческого языка. Продолжив свое дело в газете «День», Аксаков также стремился наполнить политическим содержанием ее Славянский отдел. В письме от 20 сентября 1861 г. к настоятелю русской посольской церкви в Вене протоиерею М.Ф. Раевскому (1811–1884), который деятельно помогал в поисках зарубежных корреспондентов для «Русской беседы» (1856–1860) и «Дня», он писал: «Корреспонденции должны быть, разумеется, политического содержания, в широком смысле этого слова, ибо теперь все явления общественной жизни получают значение политическое»⁹.

К 1861 г. Аксаков обладал уже опытом ведения Славянского отдела, поскольку в журнале «Русская беседа», где он являлся главным редактором с августа 1858 г., имелся такой отдел. Аксаков его открыл специально для того, чтобы сделать славянский вопрос популярным в России, близким ку-

печеству и «вообще грамотному простому люду»¹⁰. Но тогда он столкнулся со многими трудностями, некоторые из которых были частично преодолены при издании газеты «День». С августа 1861 г. в России официально была предоставлена возможность выписывать иностранные, в том числе, славянские газеты и журналы через петербургскую газетную экспедицию. Правда, в списке, указанном в «Санкт-Петербургских ведомостях», отсутствовали выходившие в то время болгарские издания: «Болгарские книжицы», «Цариградски вестник» и «Дунавски лебед»¹¹. В связи с этим сохранялась потребность в стороннем содействии при сборе информации. Аксаков по-прежнему обращался и к М.Ф. Раевскому, и к графине А.Д. Блудовой, дочери влиятельного сановника Д.Н. Блудова, председателя Комитета министров (1861), с просьбой присылать нужные материалы, «вырезки из газет»¹².

Путешествие И.С. Аксакова «по чужим краям» в 1860–1861 гг., главным образом, по славянским землям, когда он познакомился со многими политическими и литературными деятелями западного и южного славянства, способствовало расширению сети корреспондентов газеты «День». Но, как показывает переписка с Раевским, до конца не был снят вопрос о необходимости таких корреспондентов, «где бы живым словом передавался общий взгляд на то или иное славянское дело»¹³.

Кроме того, проблема со славистом-переводчиком, остро стоявшая во время издания «Русской беседы», не была решена и к началу выхода газеты «День». В указанной поездке Аксаков старался приобрести «не ученое, но живое знание славянских наречий»¹⁴. Однако для Славянского отдела ему требовался помощник. В письме от 5–6 октября 1861 г. к Блудовой Аксаков сетовал на то, что для этого отдела ему придется «много писать самому, сотрудников нет, или все одержимы непробудною ленью»¹⁵. Н.И. Цимбаев, исследователь жизни и деятельности И.С. Аксакова, отмечал, что он не знал славянских языков и не мог прочесть ни одной из получаемых им славянских газет¹⁶.

Первое время Аксаков переживал, что Славянский отдел будет «очень жидок», пока «не устроится то, о чем теперь хлопочут в Петербурге»¹⁷. Дело в том, что внешняя политика России на Балканах после Парижского мира 1856 г., направленная на восстановление ее престижа и влияния на Востоке и среди славянского населения и поэтому потребовавшая расширения здесь консульской сети, заставляла министерство иностранных дел ставить вопрос об информировании русского общества о славянских делах. В 1859 г. директор Азиатского департамента МИД России Е.П. Ковалевский (1856–1861) предложил создать особый отдел «Славянские земли» в газете «Санкт-Петербургские ведомости», которую издавал А.А. Краевский. В этой газете и прежде появлялись сведения о славянах, но они являлись перепечатками из иностранных изданий. Теперь же было решено передавать в редакцию газеты материалы из донесений российских консулов. Однако

«Санкт-Петербургские ведомости» так и не стали центральным славянским органом и никого не объединили, на что обращал внимание видный советский ученый С.А. Никитин, поскольку статьи были «сухи, как всякое официальное донесение, а фактические сведения не находили никакого истолкования»¹⁸. А в «Московских ведомостях» Славянский отдел «не состоялся за недостатком славяниста»¹⁹.

По инициативе Е.П. Ковалевского «Славянский отдел» газеты «Санкт-Петербургские ведомости» передавался газете «День», о чем было доложено императору Александру II, одоббившему это решение. Ковалевский позаботился также обеспечить редактора «Дня» сотрудниками. 28 сентября 1861 г. он пригласил В.И. Ламанского (1833–1914), который после окончания Петербургского университета служил в архиве министерства иностранных дел. Ковалевский познакомил его с новым директором Азиатского департамента Н.П. Игнатьевым, назначенным на эту должность в августе 1861 г. Тот обещал доставлять Ламанскому газеты, присылаемые Равевским. А.Ф. Гильфердинг был также «не прочь писать славянские известия». Сообщая эти приятные для Аксакова новости, Ламанский отмечал, что в Азиатском департаменте имелся всего лишь один чиновник – В.В. Макушев (1837–1883), кандидат Петербургского университета, который что-то знал о славянах²⁰. Важно, что информацию из Петербурга газета «День» получала бесплатно, поскольку в архиве МИД работал постоянный писарь, который по указанию Ламанского переписывал нужные материалы²¹. В газете «День» поэтому регулярно печатались сведения из Константинополя, Битола, Адрианополя, Салоник, Варны и др.

Но Аксаков не упускал возможность приглашать корреспондентов из славянских земель: «Пусть каждый Славянин пишет, что имеет сказать в пользу своей народности. Я даю всем им доступ в моей газете»²². Публицистические статьи Жинзифова, наделенного несомненным литературным талантом и горячим сердцем патриота, стали поэтому востребованными на страницах газеты «День».

Первая статья Жинзифова – «Письмо одного из учащихся в Москве болгар к редактору» газеты «День» от 28 октября 1861 г., где поднимался вопрос о взаимоотношениях русских и болгар, нашла живой отклик у читателей. У них «сжималось сердце», когда они читали, что в Македонии, Болгарии и Фракии «весь болгарский народ» имел «более или менее ясное понятие о русских», которых все славянские племена «считали и еще считают за будущих освободителей своих от чужого ига», а «русский народ не имеет ни малейшего понятия о болгарах»²³. И.С. Аксаков посчитал нужным немедленно прокомментировать слова автора письма, признав его упреки вполне справедливыми: «Мы, как русские, должны были бы свято помнить и сознавать свой нравственный долг, свои обязанности относительно наших страждущих младших братий, повинность, налагаемую на нас историей. Но

мы неверны своему призванию!». Редакция находила объяснение этому факту также в том, что славяне нуждались в русских, а русские в них нет, «они чают от нас духовную и материальную помощь и освобождение от турецкого, греческого или немецкого ига, а русский народ для решения своих внутренних вопросов обойдется и без их содействия»²⁴.

Газета «День» затем напечатала две статьи, которые явились резонансом на публикацию болгарского студента. Автором первой – «Несколько слов по поводу болгарского вопроса. Письмо к редактору» (1861. № 6) – являлся М.О. Коялович, историк, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии. Вторая статья – «О заслугах болгар для русского просвещения» – была подписана инициалами Н. М-въ (1862. № 14). Оба автора, чувствуя горечь от «непростительного невежества» русских по отношению к Болгарии, раскрывали вопросы культурных русско-болгарских связей²⁵.

Разумеется, неосведомленность русских в отношении болгарского народа, дискуссия о которой была развернута в газете «День», была явно и искусственно преувеличена. В связи с Крымской войной 1853–1856 гг. русская пресса охотно печатала материалы о предыдущих русско-турецких войнах и, в частности, воспоминания и записки русских офицеров о русско-турецкой войне 1828–1829 гг. В них много внимания уделялось описанию городов Европейской Турции, ее природы и населения – турок, болгар и греков. Значимы были достижения русского славяноведения, хотя, следует признать, что научные исследования по истории и культуре Болгарии были более интересны узкому кругу специалистов, чем широкой читающей аудитории. Но поражение в Крымской войне заставило русское общество сосредоточиться на своих внутренних проблемах, а громадной важности крестьянский вопрос заслонил собой все другие проблемы, в данном случае, славянские дела. Стремление Аксакова расшевелить русскую аудиторию и вызвать «живое и дружеское слово славянам» было достигнуто благодаря указанному письму Жинзифова. «Газета моя, слава Богу, имеет успех огромный, даже Славянский отдел возбудил интерес, и читается всеми»²⁶, – делился Аксаков своей радостью с Раевским.

В 1861 г. «День» также поместил сообщение болгарской газеты «Цариградски вестник» об униатском движении (№ 2), статью «Несколько слов болгарина о распре греков и болгар» (№ 5), подписанную инициалами К.С., а также вторую статью Жинзифова «Два слова о болгарской газете “Дунайский лебедь”» (№ 8), в которой он осуждал позицию ее редактора Г.С. Раковского, обвинявшего Россию в том, что в 1861 г. она «будто бы разными средствами заставила болгар переселиться» из Турции в Крым. Жинзифов, имея информацию о насилиях, грабежах, злоупотреблениях, которые совершались в Османской империи, считал, что никакого принуждения не было – «болгар Видинской области принудило искать себе прибежище в России одно только их безвыходное положение. В противном случае мы долж-

ны заключить, что болгарский народ под турецким игом благоденствует и все, что до сих пор писалось о положении этого народа, неосновательно»²⁷.

В следующем, 1862 году, Жинзифов опубликовал в газете «День» также две статьи. Но в тот год основное внимание редактора газеты «День» было направлено на освещение событий в связи с восстанием в Герцеговине во главе с Л. Вукаловичем, начавшимся в 1861 г. и поддержанным Черногорией, что в 1862 г. привело к черногорско-турецкой войне, а также к обострению отношений между Сербией и Турцией. Жинзифов отозвался на эти события статьей «Кое-что о черногорцах, сербах и болгарях» (№ 42. 20 октября) в виде письма «в редакцию “Дня” одного из учащихся в Москве славян». Автор переработал информацию сербской ежедневной газеты «Сербский дневник» («Српски дневник»), издававшейся в Белграде, и «Цариградского вестника» и сопроводил ее размышлениями о закончившейся черногорско-турецкой войне 1862 г., когда Англия и Австрия взяли сторону турок и не допустили участия в ней Сербии. Жинзифов несколько раз повторил мысль о том, что «будь черногорцы германского племени», то «собралась бы крестоносная рать против врагов христианства во имя европейской цивилизации». «К несчастью черногорцы – славяне!»²⁸, – этими словами заканчивалась статья. Это был первый опыт Жинзифова, так сказать, проба пера, на поприще ведения раздела «Славянское обозрение» в газете «День».

Вторая его обширная статья «Дмитрий и Константин Миладиновы» была опубликована в двух номерах газеты (№ 46. 17 ноября и № 48. 1 декабря). Тревожная информация о болгарском студенте Московского университета Константине Миладинове, впервые появилась в № 3 от 28 октября 1861 г.: было сообщено, что он был схвачен турками и брошен в тюрьму, как только приехал в Константинополь. «К несчастью, – писала газета, – он турецкоподданный», но «русское посольство в Царьграде хлопочет об его освобождении»²⁹. Еще прежде сам Аксаков обратился к имевшей большие связи графине А.Д. Блудовой, сообщив ей о том, что К. Миладинов, «очень близко мне знакомый», был посажен вместе со своим братом, бывшим учителем в Кукуше, «в крепость в Константинополе или в темницу – я хотел сказать, – такую, из которой живыми не выходят». «Нельзя ли его оттуда выручить?»³⁰, – спрашивал у графини Иван Сергеевич.

Но помощи они оказать не успели. 6 февраля 1862 г. в Москве было получено скорбное сообщение о смерти обоих братьев в турецкой тюрьме. В двух номерах газеты (№№ 21 и 22 от 3 марта и 10 марта 1862 г.) появились две статьи, в которых сообщались подробности о пребывании Миладиновых в тюрьме и о тщетности усилий российских дипломатов в Константинополе. В статье «Печальные известия о Македонии», автором которой был А.В. Рачинский, много рассказывалось о Константине Миладинове, в судьбе которого Рачинский принял самое деятельное участие, о Димитре Милади-

нове, в котором он увидел «впервые народного деятеля», выбравшего не почет и выгоду, а скромное место учителя³¹.

Р. Жинзифов, очень хорошо знавший братьев, не сразу откликнулся на данную весть статьей: необходимо было время, чтобы пережить это горе. Из всех славян, которые проживали в Москве, он дольше всех был знаком с Миладиновыми, их связывали общая родина, деятельность, убеждения. Жинзифов избрал жанр биографического очерка, в котором им были воссозданы жизненный путь и просветительская деятельность Д. Миладинова, а также короткая, но яркая судьба его младшего брата. Жинзифов подчеркивал, что они могли бы быть спасены, если бы изменили вере своего народа и приняли католичество, но они предпочли смерть. «Миладиновы пали жертвою клеветы и предательства!»³² – писал он.

Первые шаги Жинзифова на ниве публицистики были замечены редактором «Дня». Аксаков никак не мог найти в Москве человека, «которому можно было поручить чтение славянских газет и вообще ведение Славянского отдела!»³³, о чем он сообщал в письме к Раевскому от 11 декабря 1861 г. Н.И. Цимбаев установил, что с осени 1861 г. и до лета 1862 г. обязанность «читать все славянские газеты, делать выписки, опровержения, извлечения» лежала на В.А. Елагине, но Аксаков был им недоволен, упрекая его в лени. С наступлением лета Елагин и вовсе уехал из Москвы³⁴. Проблема с помощником никак не решалась, Аксаков в письме к Раевскому от 19 августа 1862 г. повторял: «Мне необходимо бы иметь человека, который читал бы славянские газеты постоянно и делал бы еженедельно обзор им в “Дне”, или бы делал извлечения известий интересных из газет»³⁵. К тому же в 1862 г. петербургские сотрудники «Дня» Ламанский и Макушев были в отъезде: Ламанский отправился в путешествие по славянским землям Западной Европы (1862–1864), а Макушев получил назначение на должность секретаря российского консульства в Дубровнике (Рагузе) (1862–1865). В это время Жинзифов проходил курс обучения у профессора О.М. Бодянского, который знакомил своих студентов со всеми славянскими наречиями³⁶. В архиве Бодянского, например, сохранился перевод на русский язык студентом 4-го курса Жинзифовым отрывка из «Истории славянских законодательств» польского историка В.А. Мацеевского³⁷.

Жинзифов принял приглашение Аксакова и с 1863 г. начал достаточно регулярно работать в газете «День». 1863 год он начал статьей «Несколько слов о взаимном сочувствии славян южных и славян русских» (№ 3. 19 января 1863 г.), где была вновь повторена мысль о том, что «южные славяне с давних времен и до сих пор питают самые отрадные, самые благоприятные чувства к славянам русским», но что теперь «о судьбе подвластных славянских племен заговорила русская журналистика, что в образованном обществе русском мало-помалу славянские племена получают известность и сочувствие к последним распространяется все больше и больше, хотя оно далеко

еще не развито в массе многомиллионного русского народа»³⁸. Заканчивается эта статья констатацией того, что «чувство соплеменности и братства мало-помалу растет», и это подтверждают пожертвования, собранные в 1862 г. «в пользу воспитывающихся в России молодых славян и в пользу “юнаков” Черногории редакцией “Дня” и редакцией “Современного слова”». Жинзифов приветствовал от имени славян дар русской императрицы в 300 руб. серебром, предназначенный «на воспитание молодых болгар в России»³⁹.

22 января 1863 г. началось Польское восстание, продлившееся до второй половины 1864 г., поэтому номера «Дня» за этот период были наполнены преимущественно информацией по польскому вопросу. Жинзифов также основное внимание уделял обзору славянской и западноевропейской прессы о событиях в Польше. Сведения о славянах в Турции отошли на второй план. В «Славянском обозрении» от 9 марта 1863 г. (№ 10) Жинзифов по этому поводу писал, что «славянские народы с каким-то нетерпением ждут и желают скорейшего разрешения русско-польского вопроса, исход которого был бы благополучен как для одной, так и для другой стороны. Славяне не желают ни малейшего ущерба России и, видимо, жалеют, что польские дела отодвинули назад, быть может, на продолжительное время, восточный вопрос, разрешению которого в пользу славян ни одна из западных держав не благоприятствует кроме славянской России»⁴⁰.

В 1863 г. стали выходить новые болгарские издания – газета «Советник» (1863–1865), выпускавшаяся в Константинополе Т. Бурмовым и Н. Михайловским; «Болгарская пчела» (1863–1864) в г. Браила, редактором которой был Хр. Д. Ваклидов, а также сатирический журнал «Гайда» (1863–1867), издаваемый П. Славейковым в Константинополе. В 1863 г. прошли выборы нового Вселенского патриарха Софрония III (1863–1866), который вследствие остроты церковной греко-болгарской распри в болгарских землях был вынужден незамедлительно приступить к ее рассмотрению. Разумеется, болгарская пресса была занята именно этим вопросом, что получило свое освещение в комментариях Жинзифова. Эта тема публицистического творчества Р. Жинзифова достаточно подробно освещена в статье болгарского архимандрита Калиника⁴¹. Советский ученый С.А. Никитин подчеркивал, что «День», в котором основными авторами, писавшими по болгарскому вопросу, являлись болгары, «стал органом выражения болгарских интересов в церковном вопросе». Все статьи в нем «говорили о справедливости болгарских притязаний на самостоятельную иерархию, указывали на притеснения греков, отмечали службу греческих архиереев туркам, их корыстность и симонию»⁴².

Проблема эллинизации славян Македонии, которая была поднята в очерке, посвященном братьям Миладиновым, стала одной из наиболее актуальных тем для Жинзифова-публициста. Ей специально было посвящено

несколько его статей. Основываясь на материалах болгарских газет «Советник» и «Болгарская пчела» (№ 39. 28 сентября 1863 г.), он сообщил, например, о том, что министр народного просвещения Греции Никопулос пригласил известных профессоров Афинского университета составить комиссию, в которой был бы обсужден вопрос о распространении эллинизма вне границ Греческого королевства, особенно в Македонии. Жинзифов, знакомя русского читателя с замыслами претворения Мегалии идею в жизнь, подчеркивал, что эти идеи «могут помешать успешному ходу образования и развития болгар и способны до огромного размера развить ненависть и международную вражду болгар и греков»⁴³. Со своей стороны Аксаков как редактор не удержался, чтобы не прокомментировать слова своего сотрудника, подчеркнув, что «этот враг опаснее турок». «Но ни унывать, ни уступать не надо, а бороться и несокрушимо верить в неперменное будущее торжество “ненавидимых и гонимых истины ради”»⁴⁴, – заявлял редактор «Дня».

Через год (№ 36. 5 сентября 1864 г.) в статье «Эллинский оратор в народном собрании эллинов» Жинзифов возвратился к теме просветительного эллинизма, которая обсуждалась в Народном собрании в Афинах, о чем сообщала газета «Советник». Греки проявляли беспокойство в связи с тем, что во многих городах Балкан эллинский язык был изгнан и замещен варварским языком, т.е. болгарским языком, что в самих Салониках и в Константинополе эллинская церковь, эллинский язык и эллинская народность стали «предметом ругательства и презрения». Собрание потребовало от министра просвещения отчета о тех мерах, какие он намерен предпринять для распространения эллинизма на Балканах и подавления варварского языка⁴⁵.

Конкретное проявление этой политики в Македонии было показано, например, в статье Жинзифова «Еще несколько слов о действиях фанариотов в Болгарии» (№ 5. 1 февраля 1864 г.). В Охриде в декабре 1863 г. по доносу местного фанариота было арестовано более десятков влиятельных жителей города, поскольку они осмелились открыть в городе болгарское училище и ввести в церкви церковнославянский язык. Были арестованы учитель и его отец, основавший это училище, изъяты все славянские книги, учебные и церковные⁴⁶.

11 апреля 1864 г. (№ 15) в статье «Еще слово о фанариотах в Болгарии. В ответ г. В. Неклюдову» Жинзифов раскритиковал позицию Неклюдова*, который защищал греков-фанариотов и выступал против борьбы болгар за свою церковную самостоятельность. Жинзифов был убежден, что «греческое высшее духовенство своим положением и силою могло бы помочь» болгарам в развитии своего народа, «могло бы утешить их в трудные, долго-

* Вероятно, речь идет о Василии Сергеевиче Неклюдове (1818–1880), первом секретаре русского посольства в Греции, камергере, писателе.

временные, несчастные и черные для болгар дни и години», но оно «никогда этого не сделало и не сделает никогда и вперед!»⁴⁷.

Злободневной темой для Македонии была деятельность католических миссионеров. В статье «Западная пропаганда в Македонии» (№ 3. 16 января 1865 г.) сообщалось, что католическая пропаганда действует по-прежнему, но не так открыто, «тихомолком», избрав себе путь образования, который, по мнению Жинзифова, «гораздо вернее ее прежнего пути». В Македонии, земле славян, работали уже два униатских училища – в Битоле и Энидже (Пазар). Журналист располагал достоверными сведениями об униатско-католическом училище Битолы, которое основала миссия лазаристов во главе с аббатом Лепавеком. Жинзифов был убежден также, что распространению унии способствовал битольский митрополит Венедикт, поскольку он запретил открытие славянского училища и употребление славянского языка в церкви⁴⁸.

В 1865 г. редакция газеты «День» испытывала известный информационный голод, поскольку сюда не доходили болгарские газеты. Жинзифов в «Славянском обозрении» (№ 37) подчеркивал, что «турецкое правительство, подражая Франции, устроило у себя карательную цензуру, устав которой до того строг, что издание независимых газет и журналов в Турции невозможно». На болгарском языке выходили газеты «Турция» и «Дунай», но они издавались самим турецким правительством. С августа 1865 г. в Константинополе начала выходить газета «Время», редактор которой Т. Стоянов-Бурмов обещал строго исполнять все правила нового турецкого цензурного устава. Следовательно, делал вывод Жинзифов, на ее страницах не будут обсуждаться вопросы о судьбах христиан Турции. Относительно церковного вопроса редакция «Дня», сообщал он, давно не получала никаких известий, и решение его «еще не предвидится»⁴⁹.

В № 51 (11 декабря 1865 г.) Жинзифов изложил содержание статьи из газеты «Время» от 6 ноября 1865 г., в которой речь шла об униатском движении в Болгарии в начале 1860-х годов и, помимо прочего, сообщалось, что по поручению Папы римского в Константинополе был рукоположен в епископы униатов болгарин Рафаил Попов. Газета предостерегала болгар от папского католицизма. Жинзифов, вполне соглашаясь с мнением редактора Бурмова, просил его, от имени редакции «Дня», «как можно почаше выступать против католической западной пропаганды, изобличать перед болгарам все ее губительные для болгарского народа козни и интриги», которые способны «раздробить народ на части, разрознить болгар между собою, и этим оно [униатское движение – М.Ф.] положит непреодолимые препятствия их лучшему будущему»⁵⁰.

В заключение хотелось бы остановиться на двух статьях, опубликованных в Славянском отделе газеты «День» (№ 12 от 23 марта 1863 г. и №

15 от 15 апреля 1863 г.). Они помещены в первом томе «Публицистики» Жинзифова под звездочкой, что свидетельствует о сомнениях в его безусловном авторстве. В первой статье сообщаются известия из Рагузы, Варны, Битола и Мостара. П. Орешков допускал, что Жинзифов являлся автором только сведений из Битола, датируемых 15 февраля 1863 г. Однако составители первого тома «Публицистики» были уверены, что все четыре сообщения принадлежали одному автору, т.е. Жинзифову. Благодаря проведенной нами исследовательской работе в Архиве внешней политики Российской империи, мы в настоящее время располагаем комплексом консульских донесений из г. Битола, которые позволили провести сопоставление сведений упомянутых статей с текстом документов, хранящихся в фонде «Посольство в Константинополе» АВПРИ.

В заметке о событиях в Битоле сообщалось о закрытии двух книжных лавок, владельцы которых были посажены в битольскую тюрьму⁵¹. Эта заметка из Битола является отрывком из обширного донесения Е.М. Тимаева, секретаря русского консульства в Битоле. Следует отметить, что это донесение от 30 января 1863 г. носит гриф «Секретно» и помимо напечатанного в газете материала содержит важные сведения о католической миссии в г. Битоле, о драгомане (переводчике) паши Джорджевиче и о некоторых других событиях⁵².

Во второй заметке из Битола от 13 марта 1863 г. сообщалось о мероприятиях, которые военные власти Османской империи предпринимали в Битольском эялете: с февраля в Ниш стягивались войска, подвозились вооружение и припасы. Эта информация – почти дословный пересказ донесения Тимаева от 28 февраля 1863 г.⁵³ Таким образом, сомнения Лекова и Унжиевой, составителей первого тома «Публицистики», относительно этих двух статей «Славянского отдела» газеты «День» были не беспочвенны, и их следует исключить из публицистического наследия Жинзифова.

Итак, в газете «День» в 1863 г. Жинзифов опубликовал 21 статью, из них 15 составляли раздел «Славянское обозрение» и 2 статьи освещали события в землях турецких болгар. В 1864 г. он напечатал 11 статей, посвященных церковному греко-болгарскому вопросу. Правда, в 18 номерах газеты за 1864 г. Славянский отдел совсем отсутствовал, и в 1865 г. он также нередко выпадал из содержания «Дня». В 1865 г. Жинзифов написал три статьи и «Славянское обозрение» для семи номеров. Подобную нерегулярность Славянского отдела в газете можно объяснить, исходя из признания Аксакова в письме к Блудовой от 5–6 февраля 1862 г.: «Пока будет существовать “День”, он будет посвящен преимущественно русским, нашим внутренним вопросам, пред которыми славянские имеют интерес уже второстепенный»⁵⁴.

Следует отметить, что Аксаков хорошо платил за работу: за перевод больших славянских статей – 15 руб. серебром за печатный лист, за «составление статей», «т.е. извлечений из славянских газет, из писем и проч.» – 20 руб. сер. за лист, за «самостоятельное сочинение» – 50 руб. сер. за лист.⁵⁵ Это было значительным подспорьем к ежемесячной стипендии в 20 руб. сер., получаемой Жинзифовым от Славянского комитета. Весной 1864 г. он переехал на новую квартиру, которая была расположена рядом с домом О.С. Аксаковой, матери И.С. Аксакова. Болгарского студента часто приглашали в гости, на обед и в Абрамцево⁵⁶. Однако он не стал для И.С. Аксакова тем помощником или сотрудником, которого тот так искал. 11 июня 1865 г. Аксаков писал Раевскому: «Уже четыре года сряду выношу я газету один на своих плечах и безвыездно остаюсь в Москве»⁵⁷. Вероятно, сказывались не только значительная разница в возрасте, различное социальное и материальное положение, но и личные качества редактора. И.С. Аксаков, человек страстный и увлекающийся, с трудом умел сотрудничать с кем бы то ни было⁵⁸. И это он сам понимал. «Помощника у меня нет, отчасти потому, что по душе помощника себе не нашел...»⁵⁹, – писал Аксаков Раевскому.

В целом, публицистика Жинзифова, работавшего в основном в формате «Славянского обозрения», в большой степени зависела от современных ему событий и, разумеется, от материалов, поступавших из зарубежной прессы, которые ему необходимо было комментировать. Болгарская тема поэтому не была доминирующей.

Самой значительной и замечательной статьей Жинзифова из всех, появившихся на страницах «Дня», на наш взгляд, стала статья, посвященная братьям Миладиновым. Она была в значительной степени написана на основании личных воспоминаний и представила, по существу, первые яркие биографии братьев-просветителей.

С.А. Никитин в свое время обратил внимание на то, что, в отличие от «Дня», «остальная русская печать мало интересовалась церковным вопросом в Болгарии». Нельзя не согласиться с его выводом, что «День» сумел «в этом вопросе стать центром объединения славян, в данном случае болгар, и тем осуществить свою задачу, с другой – оказался проводником болгарских идей в русское общество и содействовал привлечению внимания к болгарским делам»⁶⁰. Немалая заслуга в этом, безусловно, принадлежала Р. Жинзифову, поскольку большая часть статей на эту тему была написана именно им.

Райко Жинзифов как болгарский публицист выполнил свою задачу по созданию в русском обществе образа угнетенного, страдающего болгарского народа, ждущего помощи от России – как в решении церковного вопроса, так и в освобождении от турецкого ига.

Примечания

- ¹ *Конев И.* Райко Жинзифов // Известия на Института за българската литература. Кн. VII. София, 1958. С. 153.
- ² *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 2. София, 1964. С. 218.
- ³ Там же.
- ⁴ Архив Г.С. Раковски. Т. 2. София, 1957. С. 410.
- ⁵ *Пенев Б.* История на новата българска литература. Т. 3. София, 1977. С. 476.
- ⁶ *Билунов Б.Н.* К истории «Болгарской дружины» - организации болгарских студентов в Московском университете // *Билунов Б.Н.* Болгария и Россия. М., 1996. С. 193.
- ⁷ *Унжиева Ц., Леков Д.* Предговор // Жинзифов Р. Публицистика. Т. 1. София, 1964. С. 10–11.
- ⁸ «Мне необходим ... человек, знакомый с славянскими наречиями» (Переписка И.С. Аксакова с Б.И. Ордынским (1858)) // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб, 2011. С. 380.
- ⁹ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. СПб, 1888. С. 66.
- ¹⁰ Там же. С. 2.
- ¹¹ День. 1861. № 1. С. 15; *Ор-ъ* О славянских газетах и журналах // День. № 5. С. 20.
- ¹² И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 68, 72, 193.
- ¹³ Там же. С. 72.
- ¹⁴ Там же. С. 27.
- ¹⁵ Там же. С. 193.
- ¹⁶ *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 78.
- ¹⁷ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 193.
- ¹⁸ *Никитин С.А.* Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века // Ученые записки Института славяноведения. Т. 6. М., 1952. С. 99.
- ¹⁹ «...Вы очень мне нужны здесь, нужны, т.е. "Русской беседе"» (Переписка И.С. Аксакова с М.П. Петровским. 1858–1866) // «Русская беседа»: история славянофильского журнала. С. 420.
- ²⁰ Переписка двух славянофилов. И.С. Аксаков и В.И. Ламанский // Русская мысль. 1916. Кн. 12. С. 93.
- ²¹ Там же. С. 108.
- ²² И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 66.
- ²³ *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 32, 34, 35.
- ²⁴ День. 1861. № 3.
- ²⁵ *Н. М-въ.* О заслугах болгар для русского просвещения // День. 1862. № 14. С. 14.
- ²⁶ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 70.
- ²⁷ *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 36–37.
- ²⁸ Там же. С. 39–40.
- ²⁹ Там же. С. 32.
- ³⁰ И.С. Аксаков в его письмах. С. 188–189.
- ³¹ День. 1862. 3 марта. № 21. С. 13–15.
- ³² *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 41–58.
- ³³ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 73.
- ³⁴ *Цимбаев Н.И.* Указ. соч. С. 78, 84.
- ³⁵ Там же. С. 77.
- ³⁶ *Лантеева Л.П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. М., 1997. С. 55–56.
- ³⁷ *Минкова Л.* О.М. Бодянки и Българското възраждане. София, 1978. С. 167–168.
- ³⁸ *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 59.
- ³⁹ Там же. С. 65.
- ⁴⁰ Там же. С. 78.

- ⁴¹ *Архимандрит Калиник*. Райко Жинзифов и българският църковен въпрос // 100 години от учредяването на Българската екзархия. София, 1971. С. 322–326.
- ⁴² *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50–70-е годы XIX в. М., 1970. С. 196.
- ⁴³ *Жинзифов Р.* Публицистика. Т. 1. С. 132–133.
- ⁴⁴ Там же. С. 133.
- ⁴⁵ Там же. С. 165–166.
- ⁴⁶ Там же. С. 146–147.
- ⁴⁷ Там же. С. 154–155.
- ⁴⁸ Там же. С. 184–185.
- ⁴⁹ Там же. С. 204.
- ⁵⁰ Там же. С. 215.
- ⁵¹ Там же. С. 226–227.
- ⁵² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1417. Л. 25–28 и об.
- ⁵³ Там же. Л. 33–34.
- ⁵⁴ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 238.
- ⁵⁵ «Мне необходим ... человек, знакомый с славянскими наречиями». С. 373.
- ⁵⁶ Русия и българското национално-освободително движение. 1856-1876. Т. 2. София, 1990. С. 62.
- ⁵⁷ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 87–88.
- ⁵⁸ *Тесля А.А.* Значение 1863 года в истории русской общественной мысли // hrono.ru>Статьи на исторические темы>2011/tes1863.php
- ⁵⁹ И.С. Аксаков в его письмах. Т. 4. Ч. 2. С. 73.
- ⁶⁰ *Никитин С.А.* Очерки по истории южных славян... С. 198.